

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ

*Книга современной военной прозы
и публицистики*

Служу России!

Коллектив авторов

Горячие ветры

«Горизонт»

2016

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)

Коллектив авторов

Горячие ветры / Коллектив авторов — «Горизонт»,
2016 — (Служу России!)

В книгу «Горячие ветры» вошли произведения авторов, пишущих на военную тему в жанрах прозы и публицистики, в разное время прошедших военную службу в Вооружённых Силах и других силовых структурах. Произведения охватывают период со второй половины 18-го века до наших дней. В них рассказывается и о героических страницах истории Российской (Советской) Армии, и о повседневной деятельности Вооружённых Сил. Книга рассчитана на широкий круг читателей: от юношества до ветеранов Великой Отечественной войны и участников локальных вооружённых конфликтов, от любителей приключенческой военной литературы до профессиональных филологов и литературных критиков. Произведения из книги могут быть использованы в качестве учебного материала в школах при изучении истории, русского языка и литературы, а также для подготовки уроков мужества и патриотизма в образовательных учреждениях.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Коллектив авторов, 2016
© Горизонт, 2016

Содержание

Александр Маргелов, полковник в отставке	7
Огненные дороги отца	8
Владимир Крупин, майор в отставке	25
Полковник-паломник	26
Игорь Нехамес, капитан запаса	32
И собаки защищали Москву	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Горячие ветры. Книга современной военной прозы и публицистики

**Составитель Владимир
Александрович Силкин**

*Книга посвящается 75-й годовщине победы в битве под Москвой и
120-летию со дня рождения маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и
К.К. Рокоссовского*

Некоммерческое литературно-художественное издание

**Издатель Витюк Игорь Евгеньевич
г. Пушкино Московской области**

При оформлении обложки использованы фотографии из сети Интернет, в том числе: с сайта RusVesna.su (фото СУ-3 °СМ в Сирии), информационных агентств REUTERS (фото г. Грозного времён Чеченской войны) и ИТАР-ТАСС (война в Афганистане, автор – Георгий Надеждин), а также – фотокорреспондента Великой Отечественной войны Максима Альперта (комиссар, поднимающий подразделение в бой).

Александр Маргелов, полковник в отставке

Александр Васильевич Маргелов – прозаик. Родился 21 октября 1945 года в г. Кишинёве. В 1970 году окончил ракетный факультет МАИ и поступил на работу инженером в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ) в подмосковном Калининграде (ныне город Королёв). С 1971 года – на службе в Советской армии (ВДВ), до 1980 года – в Научно-техническом комитете Воздушно-десантных войск. Окончил экстерном Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище и Военную академию бронетанковых войск. Работал главным экспертом управления Государственной компании «Росвооружение».

Полковник в отставке. Герой Российской Федерации. Руководитель «Фонда содействия войскам специального назначения и ВДВ имени Героя Советского Союза, генерала армии В.Ф. Маргелова». Награждён орденами Красного Знамени и Красной звезды, многими государственными и ведомственными медалями. Лауреат премии Дружбы народов «Белые журавли России» с вручением одноименного ордена. Член Союза писателей России.

Скончался 19 июля 2016 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Огненные дороги отца

Документальная повесть

Ещё при жизни генерала армии В.Ф. Маргелова называли «Человек-легенда», «Десантник № 1». Люди, которые служили под его командованием, именовали себя «маргеловцами», а аббревиатура Воздушно-десантных войск – ВДВ, и по сей день расшифровывается как «Войска Дяди Васи». Патриот, человек отважный, дерзкий, прямой, заботливый командир, талантливый военачальник, способный на поступки на основе чести, всегда готовый к самопожертвованию...

Именно ему принадлежит честь и слава создания непревзойдённых Воздушно-десантных войск. Участник пяти войн, как он сам говорил, Василий Филиппович всей душой войну ненавидел, рассказывал о ней редко и скупно. Зато фильмы про войну любил – усаживаясь перед экраном телевизора, признавался: «Люблю войну в кино смотреть!»

* * *

В ноябре 1943 года части 2-й гвардейской армии, разгромив фашистские полчища на подступах к Днепру и в Левобережной Украине, вышли к Днепру. Однако из-за больших потерь в личном составе, недостатка хорошо обученного пополнения, постоянного отставания корпусной и армейской артиллерии, а также армейских тылов, форсировать с ходу Днепр частям и соединениям армии не удалось. В этой сложной обстановке командующий 4-м Украинским фронтом генерал Ф.И. Толбухин отдал приказ 2-й гвардейской армии перейти к обороне на фронте Екатериновка, Каховка, Британы, Казачьи Лагерь, Алешкин, Збурьевка и далее по побережью Чёрного моря и подготовке к освобождению Правобережной Украины. Задача перед гвардейцами стояла весьма серьёзная, так как они не должны были ни в коем случае допустить форсирования Днепра противником и высадки его десантов в тыл нашим войскам и на берег моря. Для усиления войск приказом командующего фронтом армии передавался 1-й гвардейский и 116-й укрепленные районы. Полным ходом развернулось строительство оборонительных рубежей.

С выходом к Днепру обеспеченность советских войск материальными средствами, особенно боеприпасами, значительно снизилась. Из-за осенней распутицы и бездорожья машины с боеприпасами либо завязали в глубокой грязи, либо стояли без горючего. Сильно отстали и артиллерийские части, тылы растянулись на десятки километров. Советские воины рыли окопы и траншеи, сооружали дзоты и блиндажи, готовились дать фашистам достойный отпор.

А угроза со стороны фашистов оставалась реальной. Особенно беспокоил советское командование Херсонский укрепленный плацдарм на левом берегу Днепра в районе озера Вечрашнее. Нашему командованию стало известно, что Гитлер приказал своим войскам удерживать этот плацдарм любой ценой. Более того, 13 ноября фашисты высадили десант на Кинбургской косе и, закрепившись на ней, пытались контролировать воды Днепровского и Бугского лиманов, ведущих в Николаев и Херсон.

Со 2 по 4 декабря развернулись сильные бои в низовьях Днепра по ликвидации Херсонского плацдарма и укреплений фашистов на Кинбургской косе силами 13-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-го гвардейского механизированного корпуса. Гвардейцам 3-й стрелковой дивизии в боях за ликвидацию Херсонского плацдарма пришлось сражаться против противника в плавнях сухопутья, рукавов и проток Днепра. А стоял уже декабрь, и советским солдатам, с боями продвигавшимся по заболоченной местности, приходилось то и дело принимать холодные, в полном смысле этого слова, ванны. Но гвардейцы в этих тяжёлых боях

прорывали одну за другой линии фашистской обороны, прижимали противника к реке и уничтожали. Большую помощь в этих боях оказывала «матушке пехоте» артиллерия. На одном из совещаний командующий 2-й гвардейской армией генерал Г.Ф.Захаров сказал командующему артиллерией генералу Стрельбицкому: «Устройте мне здесь настоящий артиллерийский обмолот противника!»

И артиллеристы свою задачу выполнили блестяще. Демонстрируя высокое огневое мастерство, они на отдельных участках создавали такую высокую плотность огня, что буквально сметали с лица советской земли целые фашистские части, засевшие в обороне.

Здесь, в этих боях, отлично проявили себя воины самых различных родов войск и специальностей. Так, например, химики полковника А.Т. Бабаяна умело провели задымление вражеских позиций. Под прикрытием дымовой завесы наши части ринулись вперёд и сбросили остатки частей 4-й горнострелковой дивизии фашистов в ледяные воды Днепра. 20 декабря нашими войсками были одержана ещё одна блестящая победа: сильно укреплённый Херсонский плацдарм прекратил своё существование.

Гвардейцы блестяще завершили год упорных боёв за освобождение советской земли. Начав героические бои у стен Сталинграда, они высоко пронесли свои победные знамёна сквозь пламя сражений на реке Мышкова и «Миус-фронте», в Донбассе и на Молочной. За год боёв гвардейцы 2-й армии освободили 2500 населённых пунктов и вызволили из фашистской неволи сотни тысяч советских людей. Пройдя от Волги до Днепра две тысячи огненных километров, гвардейцы-богатыри очистили от врага 125 тысяч квадратных километров родной земли.

Теперь, после ликвидации Херсонского плацдарма и херсонских предмостных укреплений противника, создались предпосылки к форсированию Днепра и освобождению Херсона.

Далее рассказывает сам Василий Филиппович Маргелов. «В войсках 3-й гвардейской стрелковой дивизии полным ходом развернулась подготовка к форсированию Днепра. Я целыми днями находился в частях, организовывая подручные средства для переправы, обучая воинов действиям в ходе форсирования широкой водной преграды, каковой являлся Днепр. И вдруг меня вызвали в штаб армии. То, что я услышал от командующего, оказалось для меня большой неожиданностью. 2-я гвардейская армия получила боевой приказ Верховного Главнокомандующего ударом из Кула прорвать оборону противника на Перекопском перешейке, главными силами овладеть городом Армянск и к исходу первого дня операции выйти на рубеж южнее Суворово, Караджанай; к исходу второго дня – на рубеж южнее Заливная, озеро Янгул; в последующем развить наступление во взаимодействии с соседней 51-й армией, наступавшей с плацдарма на Сиваше, уничтожить перекопскую группировку противника в районе города Ишунь и к исходу четвёртого дня выйти на рубеж реки Чатырлак.

Советское Верховное Командование придавало большое значение Крымской операции, и поэтому координирование действий сухопутных и военно-морских сил в ходе её осуществляли Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.Е. Ворошилов. В авангарде наступающих на Крым войск шёл 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П.Г.Чанчибадзе. И, откровенно говоря, я считал, что меня, заместителя командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 13-й гвардейский стрелковый корпус, вызвали для постановки боевой задачи по прорыву обороны на Перекопском перешейке и боям в Крыму. Однако я услышал совсем другое: приказом командующего фронтом я назначался командиром 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Признаться, я несколько растерялся, услышав приказ о столь высоком для меня, тридцатипятилетнего полковника, назначении. Всего какой-то год назад был подполковником – командиром полка под Сталинградом... От командующего фронтом, видимо, не укрылось то, что творилось в те мгновения в моей душе. И он, как бы поддерживая меня, крепко пожал руку и сказал:

– Командование фронтом, как и командование армией, считает, что вы, товарищ Маргелов, будете достойным командиром 49-й гвардейской и под вашим командованием она одержит ещё не одну победу! Готовьтесь к форсированию Днепра и взятию Херсона!

– Служу Советскому Союзу! – только и смог от волнения произнести я».

Чуть больше двух месяцев выпало полковнику Маргелову исполнять должность (ИД) командира 3-й стрелковой гвардейской дивизии, а теперь новый поворот в его боевой биографии – ИД командира 49-й... В мае 1944 года приставка «ИД» к его должности была убрана.

* * *

В начале марта 3-я гвардейская дивизия находилась в обороне и занимала по фронту огромный участок почти, что в 70 километров. Знакомясь с личным составом дивизии, полковник Маргелов – новый командир дивизии отметил, что хотя гвардейцы и «сидели» в обороне довольно продолжительное время, однако настроение у них было наступательное. Все понимали: раз вышли к Днепру, значит, оборона-дело временное, впереди их ждёт наступление.

Форсирование водного рубежа – всегда задача не из лёгких. А тут перед гвардейцами простирался широкий и величавый Днепр. Противоположный берег его, изобилующий высотами и кручами, фашисты сильно укрепили. Переправиться через широченный Днепр, а затем ещё и прорвать сильно укреплённую оборонительную полосу немцев – эта задача по плечу только закалённым в боях воинам. А дивизия в этот период была укомплектована в основном пополнением из бывших оккупированных районов, ранее в армии не служившем. Поэтому первое, на что комдив В.Ф. Маргелов обратил внимание при подготовке личного состава дивизии к форсированию Днепра – это научить солдат преодолевать водные преграды, умению прорывать оборону противника.

Занятия по боевой подготовке командир дивизии приказал проводить в условиях, максимально приближенных к реальным. Днём и ночью бойцы учились в днепровских плавнях, как вязать плоты, как грузить на них технику, как вести огонь с лодок и других плавучих средств. По его приказу широко практиковалась подготовка к форсированию Днепра и последующим действиям на макетах местности. Комдив добивался, чтобы буквально каждый боец знал свою задачу при форсировании и в бою.

Немцы, предвидя вероятность форсирования нашими войсками Днепра, взорвали, сожгли или вывезли всё, что могло быть использовано для переправы. Поэтому для подготовки переправочных средств в ход пошло всё, что было под рукой. Плоты вязались из брёвен, досок, порожних снарядных ящиков, а иногда и просто из вязанок камыша, которого в днепровских плавнях было хоть отбавляй.

Особую смекалку проявил полковой инженер 144-го гвардейского полка гвардии капитан-инженер Константин Жуков, ранее отличившийся при подрыве железнодорожного моста у Херсона. Ему предстояло переправлять полковые артиллерийские орудия, а пушка – это не пулемёт, её на камышовом плотике не переправишь. И тогда капитан Жуков предложил делать плоты под орудия из бочек из-под горячего. Плоты получились на славу! Во время форсирования они не тонули, даже когда их дырявили осколки и пули.

Также по приказу командира дивизии В.Ф. Маргелова каждым полком было проведено тренировочное форсирование озера в районе села Костогрызово, которое по своей ширине не уступало Днепру. Да и местность здесь, изобилующая высотами и оврагами, была во многом сходна с местностью на правом берегу Днепра, где немцы создали мощную полосу обороны.

Большую партийно-политическую работу в период подготовки к форсированию Днепра и освобождению Херсона провели партийные и политические органы дивизии во главе с недавно прибывшим в соединение гвардии полковником Миролевичем.

Партийно-политическая работа в дивизии проходила в соответствии с поставленными перед гвардейцами задачами. Благодаря усилиям политработников во всех стрелковых ротах были созданы полнокровные партийные организации. Пополнение рядов партийных организаций шло главным образом за счёт приема в ряды ВКП(б) отличившихся в бою солдат, сержантов, офицеров. За это время было принято в члены ВКП(б) 157 человек.

Одной из лучших партийных организаций дивизии была партийная организация 147-го гвардейского стрелкового полка. Её возглавлял смелый и отважный офицер – политработник гвардии майор Рыжков. Он вёл постоянную работу с парторгами рот и батальонов за увеличение рядов партийцев в подразделениях, прилагал большие усилия для улучшения партийно-политической работы перед наступлением. И его энергичная деятельность дала впоследствии положительные результаты. Отец вспоминал, что в ходе боев за Херсон коммунист Рыжков не раз личным примером увлекал бойцов на подвиги.

Большую пропагандистскую работу проводила в войсках дивизии газета 49-й гвардейской стрелковой дивизии «Гвардеец». Она постоянно помещала на своих страницах корреспонденции, репортажи и очерки о лучших бойцах, их боевых подвигах.

В начале марта 1944 года комдивом был получен боевой приказ командующего армией на форсирование Днепра и взятие Херсона. Однако командование фронта и Ставки, учитывая, что фронт наступления дивизии слишком велик, указало: «...форсировать по мере возможности». Вспоминая те дни, отец рассуждал: «Но что значит «...по мере возможности». Мне было известно, что ранней весной 1944 года Красная Армия на всех главных стратегических направлениях разворачивала крупномасштабные наступательные операции. В том числе и наш 3-й Украинский фронт. И если командование приказывало наступать, хотя и «...по мере возможности», то я, как командир дивизии понимал, что надо сделать всё невозможное – форсировать Днепр – на то мы и гвардейцы!»

Командир дивизии вместе с начальником штаба дивизии гвардии полковником Валерием Фёдоровичем Шубиным, командирами полков – гвардии полковником Андреем Григорьевичем Лубенченко, гвардии полковником Михаилом Егоровичем Прокоповичем, гвардии подполковником Тюриным Андреем Ивановичем, командиром артполка гвардии подполковником П.К. Федорковым – самым тщательным образом изучали обстановку, не раз ездили на рекогносцировку. В эти дни активизировали свою деятельность разведчики. Однако им долго не удавалось взять «языка». Два раза разведчики пытались пробраться через Днепр, но фашисты, засевшие в прибрежных кручах, непрерывно освещая в ночное время хрупкий приднепровский лёд ракетами, срывали все попытки наших разведчиков добыть «языка». Время шло, а одна разведгруппа за другой возвращались домой с задания промокшие с ног до головы, так и не сумев добыть столь необходимые сведения.

Тогда комдив приказал очередную группу возглавить гвардии сержанту Ноговицину. Разведывательную задачу ему и его группе полковник В.Ф. Маргелов ставил лично. Разъяснил, что от успеха группы будет зависеть и успех дивизии. Уяснив задачу, Ноговицин без лишних слов коротко ответил:

– Задание принято, «язык» будет доставлен!

– Не слишком ли вы самоуверенны, товарищ сержант? – усомнился начальник политического отдела полковник Миролевич.

И действительно, глядя на этого невысокого, хрупкого бойца с обветренным лицом и воспалёнными от бессонных ночей глазами, вряд ли можно было подумать, что за его плечами десятки дерзких и успешных разведывательных поисков.

– Хлопец он хоть и не видный, зато сердце у него – львиное! – заступился командир дивизии за гвардейца.

И не напрасно. Своё слово разведчики сдержали благодаря отваге и находчивости командира группы сержанта Ноговицина. Скрытно подобравшись к переднему краю противника,

Ноговицин и его бойцы целых четыре часа вели наблюдение за оборонительными позициями фашистов. Детальное изучение противоположного берега показало, что оборона противника состоит из отдельных огневых точек, связанных между собой ходами сообщения. Когда ночь опустилась на землю, сержант Ноговицин приказал своим бойцам по-пластунски преодолеть набухший прогибающийся лед Днепра и первым пополз к противоположному берегу.

Переправа группы прошла настолько скрытно, что немцы даже не шелохнулись. В прибрежном откосе разведчики отыскиали ложок, по нему поднялись в гору и вышли к дороге. Здесь разведчики обнаружили фашистский пост. Сориентировавшись на местности, сержант Ноговицин решает осуществить дерзкий план. На наших разведчиках были одеты трофейные плащ-палатки, и сержант-гвардеец решил воспользоваться этим. Он построил своих бойцов в колонну и повёл их прямо по дороге к немецкому посту. Фашисты никак не могли предположить, что на их участке могут появиться советские разведчики, и подпустили бойцов сержанта Ноговицина вплотную. А этого гвардейцам только и надо было.

Появление наших разведчиков возле самого немецкого поста было настолько неожиданным, что фашисты не успели даже открыть огонь. Меткими выстрелами гвардейцы четырёх из них уложили наповал, а унтер-офицера захватили в плен. Умело обеспечив отход и прикрытие группы, сержант Ноговицин без потерь переправился через Днепр и доставил долгожданного «языка» в штаб дивизии.

Из показаний пленного стало известно, что немецкое командование потребовало от херсонской группировки войск защищать свои позиции до последнего солдата. Немецкие части и подразделения, занимающие оборонительные позиции по днепровским берегам севернее и южнее Херсона, а также в самом Херсоне, находятся в состоянии повышенной боевой готовности. В особенности сильные укрепления немцы создали в самом городе, используя для них все постройки, а также жилые дома, из которых они силой выселили всех людей, не считаясь с тем, что под пронизывающим мартовским ветром и дождём оказались тысячи женщин, детей, стариков. Бойцы дивизии, да и сам комдив, не раз слышали доносившиеся из-за Днепра лающие голоса немецких солдат, выстрелы и стоны мирных советских людей. Это фашисты, осуществляя тактику «выжженной земли», изгоняли их из-под родного крова, создавая «мёртвое пространство» вокруг своих оборонительных рубежей.

Гвардейцы рвались в бой, а командир дивизии полковник Маргелов упорно искал ту самую «возможность», которая обеспечила бы дивизии успех в ходе форсирования Днепра и штурма Херсона.

8 марта комдив побывал в своем левофланговом 147-м гвардейском стрелковом полку, которым командовал М.Е. Прокопович. Левофланговые подразделения полка соседствовали с подразделениями 295-й стрелковой дивизии, части и подразделения которой занимали позицию прямо напротив Херсона и готовились штурмовать его в лоб. Немцы, судя по всему, понимали это и, создав мощную оборону, готовились здесь к упорному сопротивлению. Проведя рекогносцировку и оценив обстановку, комдив 49-й пришел к выводу, что на левом фланге его гвардейская дивизия, учитывая плотность и мощь фашистской обороны, вряд ли будет иметь успех. Да и чувствовалось, что немцы именно здесь ждали главного удара советских войск и готовились ко всем неожиданностям.

Изучая обстановку перед наступлением, полковник В.Ф. Маргелов побывал и в подразделениях своего центрального 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии полковник А.Г. Лубенченко. Здесь подготовка к форсированию была в полном разгаре. Люди рвались в бой, но средств форсирования было подготовлено ещё мало. Побывав на занятиях по боевой подготовке, командир дивизии пришёл к выводу, что солдат этого полка необходимо упорно готовить к грядущим боевым испытаниям.

А между тем вышестоящие штабы торопили командира 49-й гвардейской дивизии с форсированием Днепра. А он, не раз изучая обстановку по карте, сам приходит к выводу, что

командование торопит его не зря – успешное форсирование войсками его дивизии Днепра и удар по левому флангу фашистской группировки, прикрывавшей Херсон, с последующим охватом Херсона справа, могло создать для немецких войск угрозу окружения. Чего-чего, а «котла» фашисты боялись после Сталинграда как огня! Да и командование, торопя комдива, не скрывало, что от успеха 49-й гвардейской стрелковой дивизии во многом зависит успех всей херсонской операции.

«9 марта 1944 года, – вспоминал генерал армии В.Ф. Маргелов через 40 с лишним лет, – я дал приказ своему правобережному 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина совершить ночной марш и сосредоточиться по левому берегу Днепра южнее города Берислава.

Проведя этот маневр, командир полка доложил мне по телефону, что полк сосредоточился и готов к выполнению дальнейших приказаний.

Я срочно выехал в полк. Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Бесперывными порывами налетал сильный ветер. Великая река только что освободилась ото льда, и её тяжелые воды плескались где-то рядом в кромешной темноте.

«А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? – неожиданно подумал я. – Ночь, хоть глаза выколи. Немцы сейчас, наверное, попрятались по блиндажам. Не любят они такой погоды. А пока очухаются, так не то что полк, а дивизию можно будет переправить... Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, с утроенной энергией совершат бросок через Днепр...»

Не думал, не гадал я тогда, что боевая обстановка внесёт совсем иные коррективы в мой план, и мне придётся с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек...».

После этого отец закурил новую папиросу из лежащей на столе пачки «Беломорканала» и на какое-то время замолчал, как бы заново переживая выпавшие на их долю испытания. Затем он медленно, охрипшим от волнения голосом продолжил свои воспоминания.

– Кто у вас лучше всех подготовлен к переправе? – спросил у подполковника Тюрина.

– Третий батальон гвардии капитана Валуева, – ответил комполка.

– Пошли, – сказал я.

Через некоторое время мы были в расположении батальона.

– Пулемётную роту в моё распоряжение! – приказал я комбату. – Будем форсировать...

– Товарищ комдив! – запротестовало было гвардии подполковник Тюрин. – Зачем же так рисковать! Ведь неизвестно, что там, на том берегу...

– Переправимся, узнаем! А ты оставайся здесь в готовности к форсированию и жди моей команды! – ответил я командиру полка.

– Пулемётная рота к выполнению задачи готова! – доложил прибывший командир пулемётной роты гвардии старший лейтенант Семен Гуменюк.

Приказав старшему лейтенанту Гуменюку готовить бойцов и матчасть к переправе через Днепр, я ещё раз уточнил ранние и поставил новые задачи частям и подразделениям по форсированию реки и боевым действиям на том берегу. Соблюдая все меры предосторожности, отчаливаем от берега. Днепр встретил наши тяжелогружённые лодки и плоты крутой волной. По-прежнему хлестали порывы ветра вперемежку с колючим дождём. Едва достигли середины Днепра, как над нашими головами, словно люстры, вспыхнули ослепительные огни немецких осветительных ракет. И тут же чёрная днепровская вода закипела от разрывов мин и снарядов. В бой вступили наши пулемётчики.

Одна из мин взорвалась где-то справа, и в сполохах разрывов я увидел, как перевернулся один из плотов. С него в ледяную воду посыпались люди. Однако гвардейцы не растерялись, а, уцепившись за брёвна полуразрушенного плота и удерживая на нём «максим», продолжали плыть к берегу. Как я потом узнал, в ледяной купели оказались гвардейцы пулемётного взвода

гвардии младшего лейтенанта Георгия Ноги. Но и в этой ситуации, как-то пристроившись у пулемёта, сам командир продолжал бить по вражескому берегу короткими очередями.

Хочу сказать, что этому отважному офицеру в дальнейшем фронтовая судьба ниспослала не только это испытание. Несколько позднее, в боях за Николаев, гвардии младший лейтенант Георгий Нога был ранен в живот. Ранение было настолько тяжёлым, что хирурги не стали делать операцию, полагая, что она всё равно не поможет. Однако офицер каким-то чудом, без всякого хирургического вмешательства, поправился и снова встал в строй, не комиссовался, хотя и имел такую возможность.

Разве это не пример героической стойкости советского гвардейца! Гвардии младший лейтенант Георгий Нога был представлен мной к награждению орденом Боевого Красного Знамени.

Но вот, наконец-то, наша лодка ткнулась носом в прибрежный песок. Десант есть десант, и действовать тут надо сноровисто и быстро. В едином порыве гвардейцы ринулись на берег и, выбив фашистов из прибрежных оборонительных линий, устремились вперёд.

Вскоре, используя складки местности, мы успешно продвинулись ещё дальше и оседлали дорогу Берислав-Херсон. Удар наш был настолько силен и неожидан, что фашисты решили, что Днепр форсировала, по крайней мере, целая дивизия. И они начали панический отход к Херсону. Однако к утру опомнились, и обстановка резко изменилась. Едва забрезжил рассвет, как показались густые цепи немецких автоматчиков. Подпустив фашистов поближе, пулеметчики старшего лейтенанта Гуменюка открыли кинжальный огонь. Не многим немцам удалось уйти живыми. Не повезло и тем транспортёрам, которые двигались по шоссе Берислав – Херсон. Надеждам фашистов прорваться к Херсону был положен конец.

Видимо, обеспокоенное положением на своём левом фланге обороны, немецкое командование решило во что бы то ни стало ликвидировать захваченный плацдарм. Одновременно фашистское руководство предприняло все меры, чтобы на захваченный нами Бериславский плацдарм не переправился ни один советский солдат.

В воздухе нудно завывали моторы десятков фашистских самолётов, которые наносили удары по переправляющимся войскам и по нашему плацдарму. Бесперывно била фашистская артиллерия, в том числе и шестиствольные минометы. Эта огневая завеса и приостановила форсирование Днепра подразделениями как 149-го полка, так и другими частями и подразделениями дивизии.

Прошёл один день сражения за Бериславский плацдарм, пошёл второй, а подкрепления, которого мы ждали с таким нетерпением, не было. Всё меньше и меньше оставалось в живых героических защитников плацдарма. Кончались боеприпасы. А немцы продолжали наседавать. В этой обстановке мне ничего не оставалось, как прибегнуть к крайней мере – вызвать на себя по радиации огонь артиллерии своего артиллерийского полка.

Чтобы не потерять управление частями дивизий, я всё время поддерживал связь по радио с начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковником Шубиным. Понимая всю сложность создавшегося положения, он делал всё возможное, чтобы не только подразделения 149-го полка как можно быстрее переправились через Днепр на захваченный нами Бериславский плацдарм, но и другие части дивизии могли оказать нам посильную помощь.

1944-й год, командир 49-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерала-майор Василий Маргелов

Надо отметить, что начальник штаба дивизии гвардии полковник Шубин был закалённый в боях, храбрый и решительный офицер. Ему довелось также, как и мне, участвовать в боях с белофиннами. Он отличился при прорыве линии Маннергейма, при форсировании Выборгского залива. В августе 1941 года в должности начальника связи 41-й лёгкой танковой бригады В.Ф. Шубин совершил поход в Иран. В том же месяце прямо из Тегерана его бригада была перебросена под Новороссийск. Особенно отличился В.Ф. Шубин в ходе Феодосийского десанта. Здесь, в боях за Феодосию, он был сначала назначен начальником оперативного отделения 236-й мотострелковой дивизии. Инициативным, вдумчивым офицером зарекомендовал он себя и в боях по освобождению Ростова. После освобождения Ростова, когда 271-я стрелковая дивизия гнала фашистов на запад, Валерий Федорович был тяжело ранен. Ему давали негодность к службе в армии, но он остался в строю. Перед началом боёв по прорыву «Миус-фронта» подполковник Шубин был назначен начальником штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии. И вот теперь, в боях за Херсон, проявились лучшие качества этого боевого офицера. Благодаря его находчивости 3-й батальон 149-го гвардейского стрелкового полка 11 марта 1944 года успешно форсирует Днепр и высаживается на Бериславский плацдарм. К этому времени из 67 защитников Бери-славского плацдарма осталось только 14 человек. Поэтому можно понять нашу огромную радость, когда в перепаханые фашистскими снарядами и минами окопы, в которых мы отбивались до последнего, влились бойцы гвардии капитана Валуева. Однако фашисты продолжали яростные атаки, стремясь во что бы то ни стало сбросить защитников Бериславского плацдарма в Днепр. Но чаша боевого успеха постепенно клонилась в нашу сторону. Несмотря на сильнейший артиллерийский и миномётный огонь, 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина удалось прорваться через кипящий от разрывов Днепр и высадиться на плацдарм. Теперь мы навязывали фашистам свою инициативу. В ходе упорных боёв по расширению плацдарма полку А.И. Тюрина удалось выйти в район Пареводар, Новая Тягинка. По моему приказу полк продолжил развивать наступление вдоль берега Днепра на Херсон».

Бывший комсорг 1-го батальона 149-го сп гвардии сержант И.Г. Степаненков вспоминал командира дивизии «стройным, высоким и... строгим командиром. Он лично наблюдал за полем боя, а при необходимости сам шёл в боевых порядках наступающей пехоты. Так было и в районе Кучегуара, где песчаные курганы на берегу Днепра, в беспорядке разбросаны

на местности. Особенности курганов в том, что они скрывают перспективу обзора за ними и кажется, что за ними ничего нет. И так по всему берегу. Фашистское командование использовало эти курганы для создания глубоко эшелонированной обороны, превратив каждый из них в укрепленную огневую точку. И, как мне представляется, комдив полковник В.Ф. Маргелов умело нащупал, а затем и использовал слабость немецких солдат – их боязнь вести огонь в ночных условиях по причине легкого обнаружения (демаскировки) их позиций, а также умение наших младших офицеров использовать штурмовые отряды при штурме обособленных огневых точек. Основные достоинства штурмовых отрядов в ночном бою – маневренность, быстрота действий во время боя, возможность охвата боевыми действиями большой территории. Это и в дальнейшем широко использовал командир дивизии».

Штурмовой отряд – это стрелковый взвод, усиленный различными огневыми средствами в зависимости от решаемых задач: станковым пулеметом, 45-ти мм пушкой и противотанковым ружьём.

«И вот такими мелкими группами бойцы 1-го батальона прорвали оборону немцев и вышли на берег Днепра в районе Казачьих Лагерея. С позиции сержанта мне трудно оценить действия моих боевых товарищей и командиров, но боевую задачу в ночном бою на этом участке фронта наша дивизия, сплочённая и вдохновлённая отважным комдивом Маргеловым, выполнила, за что ей позже было присвоено почётное наименование «Херсонская». Василий Филиппович Маргелов был душой и вдохновителем всех наших боевых операций, а для бойцов и командиров дивизии – строгим, но чутким человеком».

Очень не любил генерал армии В.Ф. Маргелов вспоминать один короткий, но весьма драматический и показательный для того сурового времени эпизод. Когда он вернулся на левый берег Днепра, чтобы организовать на месте дальнейшее наступление частей своей дивизии на Херсон, командир корпуса Чанчибадзе грубо обругал комдива.

– Ты бросил дивизию, – кричал он, – я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!

С трудом сдерживаясь (сказывалось нечеловеческое напряжение трёхдневных бессонных смертельных боёв), комдив Маргелов сказал, грозно сверкнув глазами:

– Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжать наступление? А список героев я представлю вам на утверждение после взятия Херсона...

Командир корпуса, видя направленные на него неодобрительные взгляды рядом стоящих офицеров, как-то сразу сжался, а потом выпрямился, извинился перед комдивом и приказал:

– Теперь Ваша дивизия будет на основном направлении наступления на Берислав и Херсон, 295-я гвардейская дивизия, замешкавшаяся в ходе форсирования Днепра, продолжает наступление на вспомогательном направлении. Я не сомневаюсь, товарищ Маргелов, что Вы успешно справитесь с поставленной задачей!

В ходе наступления ожесточённые бои развернулись за село Никольское, которое обороняло свыше двух батальонов противника. Используя хорошо подготовленные в инженерном отношении позиции, немцы ураганным огнём из пулемётов и миномётов пресекали все попытки наших бойцов хотя бы подойти к окраинам села. В этих боях опять отличился 3-й батальон гвардии капитана Валуева. Используя наступившую темноту, отважный командир всё-таки прорвался к окраине Никольского и зацепился за одиноко стоящий домик. Быстро превратив его в опорный пункт, гвардии капитан Валуев решает с помощью обходных манёвров рот выбить немцев из села. Под прикрытием темноты 3-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии лейтенанта Карыгина обходит село справа, а 9-я гвардейская стрелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Алонна обходит село слева. Совершив обходные манёвры и выйдя на заданный рубеж, обе роты обрушили на фашистов внезапные удары. Ураганный огонь гвардейцев косил фашистов десятками. В рядах противника началась паника, и, бросая оружие, боевую технику, немцы в ужасе разбежались. Вскоре всё

село Никольское было очищено от противника. Этот бой гвардейцы капитана Валуева провели без потерь. Фашисты же потеряли 75 солдат и офицеров убитыми и пленными, были захвачены большие трофеи. Вот что значат грамотные и инициативные действия на поле боя!

Развивая наступление в ночь с 12 на 13 марта, 149-й гвардейский стрелковый полк гвардии подполковника Тюрина вышел к реке Ингулец в районе села Дарьевка и завязал бой за переправы. И здесь опять отличились бойцы 3-го гвардейского батальона капитана Валуева. Действуя решительно и инициативно, гвардейцы, не дожидаясь приказа о переправе, форсировали реку Ингулец на подручных средствах и устремились дальше. Наступая вдоль течения Днепра, полк освободил 16 населенных пунктов, уничтожил и пленил около 300 солдат и офицеров противника, захватил многочисленные трофеи.

Надо отметить, что все эти бои характеризовались полным отсутствием артиллерийской поддержки, так как артиллерия не успела переправиться. По сути дела пехоту поддерживали только пулемёты, а единственным тяжёлым оружием были противотанковые ружья.

Но наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что даже при наличии только лёгкого пехотного оружия части дивизии безостановочно гнали фашистов, имевших на вооружении артиллерию, самоходные пушки и одно- и шестиствольные миномёты. И гнали по бездорожью, по весенней непролазной грязи, через плавни и водные преграды. В этих боях личный состав 149-го гвардейского стрелкового полка проявил образец исключительного мужества, героизма, сметливости и инициативы.

Боевые успехи 149-го гвардейского стрелкового полка Тюрина создали предпосылку к успешному развитию наступления всеми частями и подразделениями дивизии.

В ночь на 13 марта 1944 года успешно форсирует Днепр 144-й гвардейский стрелковый полк гвардии полковника Лубенченко. Едва высадившись на правый берег Днепра, гвардейцы с ходу ринулись в атаку, обходом справа перерезали дорогу Снегиревка – Херсон. Удар воинов 144-го гвардейского был настолько стремителен, что немцы обратились в паническое бегство, покидая свои оборонительные позиции, и к концу дня полковник Лубенченко доложил командиру дивизии, что его гвардейцы перерезали дорогу Херсон-Николаев. Это уже был серьёзный успех.

В этот же день начал форсирование Днепра 100-й артиллерийский полк полковника Федоркова. Форсирование проходило по чётко организованному плану. В то время как первые орудия были загружены на плоты, собранные из рыбацких лодок, и начали переправу, расположившиеся на левом берегу Днепра артиллерийские подразделения прикрытия мощными и точными ударами сокрушали огневые точки противника и его артиллерийские и миномётные позиции.

Форсирование шло полным ходом, когда бойцы вдруг увидели, что со стороны Херсона, рассекая стремнину Днепра, прямо к ним идёт пароход. Комдив дал команду не стрелять, так как на его мачте виднелся белый флаг. Когда пароход пристал к берегу, выяснилось, что это херсонские рыбаки и моряки угнали его прямо из-под носа у немцев. Пароход оказался как нельзя кстати. На нём была переправлена на правый берег почти вся тяжёлая техника дивизии, а херсонские моряки и рыбаки влились в ряды 49-й гвардейской дивизии.

В боях на подступах к Херсону и за сам город мужество и отвагу проявили многие бойцы дивизии. И как всегда, в авангарде наступавших шли коммунисты.

Под сильным пулемётным огнём залегла одна из рот. Но вот поднимается коммунист Криницкий и с возгласом «За Родину!» бросается вперёд, увлекая за собой всю роту. Стремительным броском рота ворвалась в село, в короткой схватке уничтожила и пленила 30 фашистов, а остальных обратила в бегство.

В одном из боёв на подступах к Херсону отличился гвардии красноармеец Уроженко. Он первым ворвался во вражеский блиндаж и уничтожил в рукопашной схватке трёх фашистов, а остальных обратил в бегство. В «Боевом листке» после этого боя он написал:

«Я молодой гвардеец. Велика честь быть гвардейцем. Бывалые воины помогли мне овладеть оружием. Этим оружием я истребляю фашистскую нечисть. До войны я жил и работал в городе Херсоне. Жизнь текла хорошо, красив был наш город. Кулаки мои сжимаются от ярости, сердце горит злобой, когда подумаешь, что нашу родную херсонскую землю ещё топчут грязные сапоги немцев. Где бы я ни дрался с врагом – буду разить его насмерть. Я дерусь за Родину, за родной Херсон!».

Утром 13 марта 1944 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия начала решительный бой за освобождение Херсона. Наступая на Херсон, её гвардейцы дрались бок о бок с 295-й стрелковой дивизией, которая уже с 11 марта пыталась штурмовать Херсон в лоб. Однако, несмотря на героические усилия солдат, 295-я дивизия успеха не имела. И только обходной маневр 49-й гвардейской дивизии, перерезавшей фашистскую группировку, прикрывавшую Херсон, и создавшей предпосылку окружения немецких войск в районе города, сломил волю оборонявшихся германских войск.

Несмотря на ожесточённое сопротивление фашистов, гвардейский 147-й стрелковый полк 49-й гвардейской стрелковой дивизии первым ворвался в город. Бой вёлся за каждую улицу, каждый дом. Начальник штаба дивизии полковник Шубин, несмотря на бессонные ночи последних боевых суток, умело обеспечивал чёткое управление частями на поле боя.

Бойцы дивизии дрались по-гвардейски! В одном из боёв рядовой Цветков первым ворвался в траншею противника и в рукопашном бою уничтожил трёх фашистов.

В ходе наступления путь гвардейцам преградил каменный дом, оборудованный немцами под дот. Из его бойниц фашистские пулемёты и автоматы извергали тучи смертоносного свинца. Наступление замедлилось. Но вот поднимается боец Чугай и с кличем: «За Родину – вперед!» устремляется в атаку. Его порыв воодушевляет бойцов. Гремит гвардейское «Ура!», красноармейцы поднимаются вслед за ним в атаку.

Высокую боевую выучку в ходе боёв за Херсон продемонстрировали сапёры гвардии лейтенанта Буренкова. На подступах к Херсону и в самом городе фашисты установили сплошные минные поля, заминировали подходы ко многим зданиям, а также и сами здания. И вот тут-то сапёрам пришлось потрудиться, как говорится, в поте лица. Сотни мин обезвредили гвардейцы-сапёры гвардии лейтенанта Буренкова и расчистили наступавшим подразделениям путь вперёд. За мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии лейтенант Буренков был награждён орденом Красного Знамени.

Во время штурма города отличился командир взвода противотанковых ружей лейтенант Оганесов. Немцы неожиданно предприняли контратаку силой до роты, которую поддерживали несколько бронетранспортёров. Путь бронированным машинам преградили истребители танков гвардии лейтенанта Оганесова. От метких выстрелов гвардейцев загорается несколько машин, а автоматчики шквальным огнём уничтожают пехоту противника. Один из бронетранспортёров подбил сам командир взвода гвардии лейтенант Оганесов.

И опять на самых трудных участках наступления впереди были коммунисты. Большим уважением среди бойцов дивизии пользовался парторг 144-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Савицкий. Этот немолодой 42-летний солдат отличался не только незаурядной храбростью и отвагой в бою. Он также был прекрасным агитатором, но, прежде всего, учил бойцов на личном примере. Большую работу проделал парторг Савицкий перед форсированием Днепра. Особое внимание он уделил роли коммунистов в успешном выполнении предстоящей боевой задачи. И слова этого коммуниста не расходились с делом.

Он одним из первых вместе со своим подразделением переправился через Днепр. В ходе наступления был в первых рядах атакующих гвардейцев. За храбрость и мужество он снискал себе почёт и уважение среди бойцов. А когда надо было, то он проявлял себя и как незаурядный организатор.

В ходе быстрого наступления частей 49-й гвардейской стрелковой дивизии постоянно отставали тылы. И тут парторг Савицкий проявил инициативу. В освобождённых сёлах он собирал жителей на сходку, проводил с ними беседу, после чего простые советские люди с воодушевлением помогали своим освободителям, чем могли, в особенности – продуктами питания. Они готовили пищу для бойцов, а парторг Савицкий заботился, чтобы она была доставлена гвардейцам в их подразделения. В ходе боёв за Херсон коммунист Савицкий был, как и всегда, в первых шеренгах атакующих гвардейцев. Его голова, убелённая ранними сединами, мелькала то в одном подразделении, то в другом.

Вспоминая те дни, генерал армии Маргелов В.Ф. сказал: «На мой взгляд, благодаря таким людям, а их было немало, мы победили. Шаг за шагом продвигались вперёд гвардейцы моей 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Благодаря их мужеству, решительности, массовому героизму Херсон был освобождён в самые короткие сроки».

И вот уже отгремели последние залпы гвардейцев, штурмовавших Херсон. Город полностью очищен от немецких оккупантов. Во всех частях и подразделениях дивизии начались торжественные митинги, посвящённые освобождению города. Разгорячённые боем стоят в строю красноармейцы и офицеры. Отличившийся в боях за Херсон гвардии майор Грачев зачитывает:

**ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ.**

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта, форсировав реку ДНЕПР в нижнем течении, заняли город БЕРИСЛАВ и, развивая наступление, сегодня, 13 марта, в результате уличных боёв, овладели городом ХЕРСОН – крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев у устья реки ДНЕПР.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта ГРЕЧКИНА, генерал-майора РУБАНЮКА, полковника МАРГЕЛОВА, полковника ДОРОФЕЕВА; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии НЕДЕЛИНА, генерал-майора артиллерии ОСМАЛКОВСКОГО; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск СВИРИДОВА; лётчики генерал-лейтенанта авиации СУДЕЦ и понтонёры генерал-лейтенанта инженерных войск КОТЛЯРОВА, полковника СЕРГЕЕВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, представить к присвоению наименования «ХЕРСОНСКИХ» и «БЕРИСЛАВСКИХ» и награждению орденами.

Сегодня, 13 марта, в 22 часа столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ, – двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов ХЕРСОН и БЕРИСЛАВ.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

**Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин.
13 марта 1944 года.**

Этой высокой чести была удостоена и 49-я гвардейская стрелковая дивизия. Она получила почётное наименование «Херсонская». Многие офицеры, сержанты и рядовые были награждены высокими правительственными наградами. Командир 149-го гвардейского стрел-

кового полка гвардии подполковник Тюрин был награждён орденом Ленина. Его заместитель по политической части гвардии майор Грачёв был награжден орденом Александра Невского.

Несколько особо отличившихся воинов 3-го Украинского фронта генерала Малиновского были представлены к высшей правительственной награде – ордену Ленина и медали Золотая Звезда. К высокому званию Героя Советского Союза был представлен командир пулемётной роты 149-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший лейтенант Семён Гуменюк.

К этому же высокому званию за форсирование Днепра и освобождение города Херсона был представлен и командир дивизии – гвардии полковник Маргелов Василий Филиппович.

В наградном листе на звание Героя Советского Союза кратко описан подвиг отца:

«Обороняясь на фронте свыше 50 км на левом берегу реки Днепр, 49 гв. сд 10.3.44 г. получила задачу форсировать р. Днепр и во взаимодействии с 295 сд овладеть г. Херсон. В течение полутора суток, полковник МАРГЕЛОВ перегруппировал силы дивизии, сосредоточил их южнее САДОВАЯ в готовности к выполнению задачи. Одновременно одним полком с боями форсировал р. Днепр в районе КАЗАЦКАЯ и, развивая успех на запад во взаимодействии со 2-м гв. мк, начал свертывание обороны немцев на правом берегу. В ночь на 12 и 13.3.44 г. основные силы дивизии, преодолевая упорное сопротивление противника, на подручных и местных переправочных средствах форсировали р. Днепр и устье р. Ингулец и захватили плацдарм на правом берегу в районе САДОВАЯ. Не давая противнику закрепиться, дивизия совместно с 295 сд развивает стремительное наступление на ХЕРСОН и ударом с северо-востока к 12.00 13.3.44 г. овладевает городом.

Командир дивизии – полковник МАРГЕЛОВ чёткой постановкой задач подчинённым частям, тщательной подготовкой форсирования р. Днепр и боя на правом берегу, обеспечил успешное выполнение боевой задачи. В течение всего периода форсирования находился на переправах и лично руководил действиями частей, одновременно осуществляя руководство правым флангом через свой штаб.

Своей настойчивостью, высокой требовательностью, хорошей организацией взаимодействия пехоты с артиллерией, полковник МАРГЕЛОВ обеспечил своевременное выполнение задачи по овладению г. Херсон без серьёзных потерь и нанёс противнику большой урон в живой силе и технике.

За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г. Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость полковник МАРГЕЛОВ достоин звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Представление подписано 16 марта 1944 г. командующим 28-й армией генерал-лейтенантом А.Гречкиным и членом военного совета генерал-майором А.Мельниковым. Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Малиновский и член военного совета фронта генерал-лейтенант Желтов в своём заключении также записали: «Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Ниже – отметка о награждении, всего две строчки: «Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – Указ от 19.03.44 г.»

В Грамоте «Герою Советского Союза», подписанной Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым, записано: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 19 марта 1944 г. присвоил Вам звание Героя Советского Союза».

По представлению рабочих и служащих херсонских предприятий генералу армии Маргелову В.Ф. в 1968 году было присвоено звание «Почётный гражданин города Херсона».

Гвардии старший лейтенант Аркадий Питанов в дни форсирования Днепра и боев за Херсон написал стихотворение, впоследствии ставшее «фамильным» рода Маргеловых.

Песня славит сокола
Песня славит Сокола
Храброго и смелого...
Близко ли, далёко ли
Шли полки Маргелова.

Шли полки могучие
Шагом молодецким,
По Задонским кручам,
По степям Донецким.

Шла большая сила
Грозно на врага,
Да перегородила
Путь ей Днепр-река.

Ой, как закручинился
Храбрый генерал,
К берегу спустился,
Так бойцам сказал:

Мне река родная,
Сам-то я – моряк.
Вплавь переплыву я,
А вот вы-то как?

Кто вас переправит?
Нет здесь кораблей...
Ну, а немец палит
В двадцать батарей...

– Не печалься очень,
Храбрый командир,
Коль солдат захочет —
Обойдёт весь мир!

Нам искать ли броду!
Немец, только тронь...
За тобой мы в воду,
За тобой – в огонь!

Ой, как заиграли
Пушки поутру,
Немцы нас не ждали

На крутом яру.

Колет, гонит врага
Первый батальон.
Здравствуй славный город,
Городок Херсон!

Это стихотворение мы, его сыновья, с самого юного возраста знали наизусть и исполняли на всех семейных торжествах, а позже хором пели (и поём сейчас) на мотив «Песни о Щорсе», а все гости дружно поддерживали.

Недолог был отдых. Вновь гвардейцы 49-й стрелковой дивизии двинулись на запад. Уверенна поступь гвардейских колонн. А над нами от края и до края привольных херсонских степей летит удалая солдатская песня гвардейцев 49-й гвардейской Херсонской стрелковой дивизии о гордой и смелой птице, ставшей негласным символом дивизии.

1948 год, командир 76-й гвардейской Черниговской Краснознамённой воздушно-десантной дивизии генерал-майор В.Ф. Маргелов перед десантированием. Он лично совершил более 60 прыжков с парашютом, свой первый прыжок в 40 лет, последний – в 65 лет.

Владимир Крупин, майор в отставке

Рис. В. Харлова

Владимир Николаевич Крупин родился на Вятской земле 7 сентября 1941-года. Года, ознаменовавшего и тяжелейшие, и спасительные для России времена. Окончил Московский областной педагогический институт (университет). По окончании работал в школе, сценаристом на телевидении, преподавал в Литературном институте им. А.М Горького, в Академии живописи, ваяния и зодчества, Московской духовной академии. Избирался секретарём Правления Союза писателей СССР. В настоящее время – сопредседатель Союза писателей России. Первый лауреат Патриаршей премии.

В.Н. Крупин принадлежит к поколению, для которого служение армии было святым делом, а желание умереть за Родину было естественным. **«Мы рвались в армию, – вспоминал писатель. – У нас девчонки с парнем, который не служил, даже и не дружили».** Служил три года, дослужился до старшины ракетного дивизиона Войск ПВО. И потом проходил несколько раз переподготовку, в том числе и на Высших офицерских курсах. Гордится званием старшего офицера. Он – навсегда в строю защитников Отечества. Многие его произведения посвящены армии. Последнее время у писателя одна тема – спасение России через приход к Господу. А кто был в России самым верующим? Конечно, военные.

Полковник-паломник

Рассказ

В аэропорту к нашей паломнической группе подошёл моложавый, крепкий мужчина и спросил, туда ли он попал. Вот ему друзья подарили путёвку, сказали, что в Израиль, на море, а тут что? А тут паломническая поездка. Он зорко оглядел членов группы: все женщины, все, в основном в годах, увидел в группе одного мужчину, то есть меня и подошёл. Мы познакомились.

Конечно, в монастырской гостинице нас поместили в один номер. Конечно, мы стали на ты.

– Мы – братья во Христе. И если Его называем на ты. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси, сохрани и помилуй», так чего мы друг с другом будем выкать?

– Это-то, конечно, – согласился он, глядя на Библию на тумбочке и на иконы в переднем углу, – но мне сказали: отдых, море, экскурсии, магазины, женщины.

– Нет, брат, тут долгие поездки, стояния на молитвах, ранние вставания. А уж пляжей вообще никаких. И женщин тут нет! Тут не туристки, тут паломницы.

Он затосковал:

– Вот я вляпался!.

– Да ты что? Это же великое счастье – ты в центре мира, ты на Святой Земле! Я над тобой беру шефство. Неужели ты такой тёмный? Ты же крещёный?

– Ну, как иначе, я не какой-то социопат, я русский полковник!

В автобусе мы сидели вместе с ним. Первая поездка была в Вифлеем, и она его очень впечатлила. Особенно поразило благоговение, с которым все шли и прикладывались к Вифлеемской звезде. Он тоже приложился.

Вверху он потрясённо спросил:

– Так это точно, что здесь Он родился?

– Более чем!

– И всё так и было? Подлинно?

– Всё, как в Евангелии. Им даже места в гостинице не было, пришли в эту пещеру. Волхвы, знали предсказания, принесли Ему золото, как царю; ладан, как священнику; смирну, как простому смертному. А пастухам ангел с небес возвестил.

– Да не тёмный я, читал, знаю. Но, чтобы так, что всё по-настоящему? Библиотекарша, роман с ней был, подарила «Мифы народов мира», интересный двухтомник. Лернейская гидра, Геракл, Прометей, Ахиллес. И об Иисусе Христе там много. Читал. Я и думал, миф, на грани вымысла. Мне хватало.

– Но ты же видел, люди в церковь идут! Какой миф?

– Так есть же выражение, не помню кто сказал: если Бога нет, надо его выдумать. Предмет поклонения. Легче народом управлять. И Ельцин со свечкой стоял, и Путин бывает. Я сильно и не вдавался. Да и когда при нашей службе. Ну, миф и миф. Жить кому помогает. Кто и верит. Мы же верили в светлое будущее.

– Какой же миф – Бог воплотился от Духа Святого и Марии и Девы и вочеловечился. Он был и человек, и Бог. Он и страдал, как человек. Он за нас, за наши грехи, за тебя и за меня сам! Сам добровольно взошёл на Крест. Любил людей, мог и на небесах оставаться. Пришёл к нам. А что получил? Крест, гвозди, копие! Всемогуций! Создавший из ничего мир. А разве не мог призвать легионы небесных сил? Мог!

– А почему нет?

– Спасти хотел гибнущий мир, жалел нас! И спас!

– Как?

– Смерть уничтожил!

– Как?

– Читать будешь Евангелие, молиться, поймёшь.

Полковник долго молчал. Мы уже сидели в автобус, когда он, как-то встряхнувшись, ещё раз спросил

– Значит, всё так и было?

– Именно так!

– Ну, тогда, – подытожил полковник, – тогда давай, воспитывай!

– Вечером. Ты матушку Ирину слушай.

С последних сидений мы не видели матушку Ирину, которая нас сопровождала, тем более она сидела к нам спиной, лицом к движению, но слышали её проникновенный голос. Иногда она замолкала, тогда я продолжал просвещать полковника. Боясь быть занудным, говорил:

– Запомни: всё в мире сложно, только одно просто – Бог. И не влезай во всякие умничанья. Теизм, атеизм, пантеизм – всё это знать можно, но не нужно. Заинтересуешься – сразу начнёт только голова работать, тут и гибель. Сердце, душу питай! Молись и всё! Мы столько должны Богу, что нам за всю жизнь долги не отработать!

– А чем я должен?

– Жизнью ты должен, жизнью! Вон какой орёл, а мог и не быть.

– Я думал, меня папа-мама выродили.

– Так они-то откуда взялись?

– Их тоже родили.

– А те откуда? И те, и те, и те? От живой клетки? А клетка откуда? Из какой клетки? Всякие инфузории-туфельки? Выползли на сушу, выросли до обезьян, залезли на дерево, так? Потом хвост отпал, спрыгнули на землю? Встали на лапы, изобрели книгопечатание? От обезьяны один Дарвин произошёл. Мы – от Бога. От Адама и Евы мы. А их Господь сотворил!

Очень внимательно вслушивался полковник в мои слова. Спасибо ему, не возражал. Только сказал:

– Откуда ты такой умный? Не сердись, я с юмором.

– Чего сердиться? Это не я умный, это пора всем знать. Это главное в жизни – Бог. Это счастье – мы в Святой Земле. Приехали из Святой Руси. А это одно и то же. Тут мы за десять дней пройдем все и Господские, и Богородичные праздники. И хорошо, что начали с Вифлеема. С Его Рождества. Да тут с чего ни начни. И Благовещение в Назарете, и Преображение на Фаворе, и Богоявление на Иордане, и Вознесение на Елеоне. Вдумайся! Без Бога ни до порога. Россию лихорадило именно тогда, когда она отходила от Бога. Наполеон, Гитлер, Хрущёв, Ельцин – это нам бывало для вразумления, когда Бога забывали. Давай, Павел Сергеич, к концу срока готовься к причастию! Готовь генеральную исповедь. Вспоминай грехи и записывай.

– Чего их записывать, я и так помню. Я ещё об сейф не ударенный

– Куришь? Нельзя курить! Это каждение дыма сатане.

– Нельзя? Ладно, нельзя, значит, не буду, – сказал он.

И ведь в самом деле, как отрезало – перестал. Сила воли у него не хромала.

В первый же день в магазине Русской Православной миссии в Иерусалиме мы купили нательный крестик (полковник непременно захотел дорогой), и я своими руками надел его на шею раба Божия Павла Сергеевича.

Но с ним было очень нелегко. Матушку Ирину он взял, да и назвал на ты и Ириночкой. Он услышал, как она говорит на нескольких языках.

– Ириночка, ты и по-ихнему рублишь?

– Иначе нельзя, – улыбнулась матушка Ирина, – здесь надо знать и арабский, и английский, иврит тоже.

– Ну, ты молоток! – одобрил он.

Я оттащил его в сторону и вдавливал:

– Так не смей говорить с монахиней. Она – монахиня, она – матушка!

– Матушка? – потрясённо спросил он. – Какая она матушка, такая молодая. А ты знаешь, ей идёт чёрное. Я сразу не разглядел. Да она же красавица. И без косметики.

– Прекрати! Социопат! Она не женщина!

– А ещё чего скажешь?

– Ещё скажу, что она старше тебя в духовном смысле.

– Ну, сказанул.

– Не ну. Вот тебе и грех – неуважение к сану.

– Она же не обиделась.

– Вспомни, на кого не обижаются. Тебе надо словесное молоко, а не твёрдую пищу.

– У меня зубы крепкие. Я как на какого разгильдяя взгляну – сразу сверху донизу весь мокрый. – Он помолчал, вздохнул. – Да, вот бы из неё жена вышла. Все её достают, всем всё объяснит, ни на кого не цыкнет. Спокойная. Всё с улыбкой. Терпеливая. А у меня жена такая дура психованная.

Очень ему понравилась матушка Ирина. Он стал её первейшим помощником. И за стол не садился, пока все не сядут, из-за стола выходил первым, подгонял отстающих. При посадке в автобус стоял у дверей и энергично помогал паломницам.

– Ты повежливей с ними, – просил я.

– Они что, в профсоюзный санаторий приехали? Это же Святая Земля, центр Вселенной. Ты же сам мне пуп Земли показал.

– Терпение вырабатывай. Пример с матушки бери.

– Начну.

И при молитвах на святых местах полковник стоял смиренно.

– Раз полагается, значит, надо.

Он отстоял и долгую утрю.

– А я-то думал, – говорил он, – что у меня ноги железные. Ты же в армии служил, знаешь. У Знамени части – Первый пост в штабе, на виду, не шелохнись. Два часа. Потом четыре часа отдых. А тут четыре часа без отдыха. Спина отнимается.

– Делай поклоны глубже, спина не заболит.

Он доверился мне, рассказал, что у него в семье дело идёт к разводу, и, когда ему эту путёвку подарили, он её схватил, чтобы побыть без жены и приучить себя к жизни без неё. Честно признался, что надеялся на курортный роман.

– Думал, какое будет знакомство. А чего теряться? В поездке все мы холостые. В Тулу же не поедешь со своим самоваром.

– А из-за чего решил разойтись?

– Ни в чём не угодишь, всё ей неладно. Что бы ни сказал, всё не так. А молчу – тоже неладно. Друзья зашли – морду воротит.

– Так вы по любви сходились?

– С ума сходились. Перед выпуском из училища, больше по пьянке. – Да вот, покажу. – Он достал бумажник. – Вишь, где она у меня, умеет прятаться: между шекелями и долларами. – Красивая? Показал я тебе, дорогая, Святую Землю, а дальше живи сама.

– Она в церковь ходит?

– Да нет, с чего? Когда Патриарх бывает по телевизору, то, когда и слушает.

Полковник терпеть не мог платить лишнего. Торговался ужасно. Что называется, до потери пульса. Не своего, продавца. А в Иерусалиме все продавцы говорят по-русски. Почти все из России.

– Девочка, – говорил он полной еврейке, – мы тебя всему выучили, образование у нас бесплатное, а ты ещё чего-то требуешь. – Обязательно много выторговывал и уходил от про-

давицы довольный. Ещё бы, чуть её до инфаркта не довёл. – А зачем я свои кровные буду евреям отдавать.

– Вообще, знаешь, что тебе скажу, какой вывод: порядка тут нет. – Помолчал и после паузы усилил: – Никакого! Откуда взял? Я ж сразу на военных гляжу. Идёт пичужка в зелёной форме – штаны велики, ноги в ботинках болтаются, автомат не на плече, а на сгибе локтя. И... курит!

– У них женщины в армии служат.

– Да это-то, может, и неплохо. А парни военные стоят, тоже курят. Тоже с автоматами. Все расстёгнутые, наглые. Такие, хоть что, будут в народ стрелять. Всё равно, не много они навоюют.

– За них американцы повоюют.

– А эти вообще давно по морде не получали. Да, японский бог, порядка тут нет.

– Нас тут не хватает, да? Паша, не ругайся, грех. Забыл, что ли: за каждое, не только бранное, но и праздное слово взыщется.

– Если японский бог ругательство, как тогда разговаривать?

Его расположение к матушке Ирине было, конечно, замечено. Он же был личностью заметной. Ясно, что матери игумении донесли. И на четвёртый день утром у автобуса нашу группу встречала новая сопровождающая, монахиня Магдалина. Святую Землю любящая, досконально изучившая. Полковник на первой же остановке отвёл её в сторону и допросил. И рассказал мне, что узнал. А узнал он, что у матушки Ирины новое срочное задание – дальняя поездка с группой на Синай. А это дня три.

– Сам виноват, – хладнокровно сказал я. – Её из-за тебя туда отправили. Ты бы ещё в полный голос кричал о своей любви.

Полковник заговорил с такой болью, что я поверил в его искреннее чувство:

– Да я и любви-то ещё не знал! Перед выпуском в училище с лёту женился. Да, может, это у меня единственный шанс – создать семью. Детей же нет у меня! А я очень семейный! Мне же полета всего, и без хвостика...

– Молись! В храмах подавай о здравии жены. Венчанные? Венчайся!

– С ней? Никогда!

– Дело твоё. Но о матушке Ирине забудь!

– Забыть? А чего полегче не посоветуешь? Я запылал. Вот! – Мы стояли перед храмом в Вифании. Он истово перекрестился. А крестился он, как шаг строевой печатал. – Вот! Вот! И вот! И вот! И упал на колени и так треснулся лбом о плиты, что площадь вздрогнула.

– Не крестись на грех. Лоб береги!

– А зачем он мне теперь?

– Напомнить тебе пословицу: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт?

– Я лучше плиту расшибу.

Полковник даже чуть ли не курить снова начал. Но удержался. Молча сидел у окна автобуса, смотрел на пространства Святой Земли. Его крутило переживание. Иногда он даже как-то приставывал.

Его переживание дало выход в его поступке, в Горнице Тайной вечери. Перед нами туда вошла группа протестантов. Мы вошли, крестясь, встали у входа и ждали. Они по команде выстроились. Их старший, не могу его назвать священником, громко что-то рассказывал. Вскрикивал, махал руками. Конечно, о том, что здесь были собраны апостолы и на них, по предсказанию, в день Пятидесятницы, сошёл Дух Святой. Рассказывал долго, наращивая вскрикивания. Матушка вполголоса переводила, что он тоже, как и апостолы, чувствует приближение Духа. «Я слышу Его! Он идёт! Он приближается! Я чувствую Его! Он близко! Он здесь! Он во мне-е-е!». И тут его прямо затрясло.

И через минуту-другую они уже все чу-у-ув-ству-у-у-ю-ю-ют!!! Вздевают руки, и, то ли хором кричат, то ли хором поют.

– Но орать-то зачем? – спросил полковник матушку Магдалину.

– Не знаю. Может быть, показать, что они такие, достойные Духа Святого.

– Матушка, – попросил полковник. – Можно я его спрошу? Переведите.

Группа протестантов выходила. Полковник в самом деле резко тормознул их старшего. Взял за пуговицу.

– Ты чего в таком святом месте орёшь? Ты что, апостол? Какой тебе Дух Святой?

Протестант мгновенно вспотел. Матушка торопливо говорила ему: «Ай эм сори, ай эм сори!». Тот, прикладывая руку к груди и торопливо огибая полковника, говорил: «О, кей, о, кей». Их группа освободила Горницу Тайной вечери.

– Ну, Павел Сергеевич, ну, ревнитель нравственности, что ж Вы так? – выговорила матушка Магдалина полковнику. – Это ж мог быть скандал международный. Я прямо еле живая.

– С ними только так, – хладнокровно отвечал полковник. – Святая Земля, понимаешь, а они орать.

Я тоже поддержал возмущение полковника: очень уж показушно молился этот протестант. Моя поддержка улучшила его настроение.

– Ещё бы! Да и матушка Ирина меня бы одобрила.

– Ну, снова да ладом! Забудь о ней! Говорю по складам: за-будь! Ты человек сильной воли. Забудь. У тебя хорошая жена, запомни.

– Хорошая? С чего ты взял? Тебе б её, ты б её давно убил!

– Молись, будет хорошая. Ты русский мужчина! Русский мужчина верен жене! Единственной! Усвоил? И у русской жены единственный муж.

– Это в теории. А как в практике достичь? Тебе хорошо, ты уже старик. А я ещё кровопийцей.

Мы готовились к отъезду. Полковник очень страдал, пошёл в канцелярию узнать, когда вернётся группа с Синая. Сказали, что уже вернулась. Полковник рванул увидеть матушку Ирину, но ему сообщили, что мать игуменья сразу послала её сопровождать новую группу.

– Вот ведь какая Салтычиха! – возмущался полковник. – Да тут хуже, чем в армии!

– Не хуже, а лучше.

– Даже маршрута не сказали. А то бы я рванул на такси.

– Паша, опять двадцать пять?

– Можно, я одну сигаретку выкурю?

Думаю, в наступившую ночь он выкурил не одну сигарету. Аж лицом потемнел. И объявил мне, что не полетит в Москву, а поедет в Русскую Миссию и будет просить оставить его на Святой Земле.

– Прямо сейчас. Да хоть в том же Иерихоне. Или Хевроне, я их пока не выучил, путаю. Но везде же работы невпроворот. А я мужик рукастый. Что по технике, что по дереву, печку могу сложить. Русскую. Камин. Всё могу. И матушка Ирина, когда туда группу привезёт.

– Ой, Паша, Паша. Трудничество оформляется в Москве. Конечно, ты по всем статьям подходишь. Тогда, уж лучше, вообще в монахи готовься. Сколько монахов из военных, тот же Игнатий Брянчанинов. Александр Пересвет. Только оставь ты эти свои завихрения с любовью. Дай ты ей спокойно жить.

– А кто не даёт? Она сама будет решать. Она же вернётся, всё равно же её увижу. Объяснюсь! Она же России нужна. Дети будут, много надо. Я детей больше всего люблю. Ты ж видишь, – Россия чернеет, рождаемость русская падает. Она поймёт. Да и чувствую, нравлюсь ей. Разве криминал, что я, как мужчина, имею право на семейное счастье? Имею? Чего ты молчишь? В Тивериаде на озере она со мной как с человеком поговорила. И смотрела не как

монахиня. Как девушка обычная. А в Бога она может и так верить. Да и я. Бабушка, помню, говорила: Паша, больно ты жалостливый, священником будешь. А жизнь-то в военные вывела. Но там тоже, везде же бывал – попадёшь под обстрел, жмёшься к земле и только одно: Господи, Господи! Я же её полюбил, не от Бога же я её оттягиваю.

– Паша, перетерпи. Как налетело на тебя, так и отлетит.

– Нет, отец, ты что? С мясом не оторвёшь.

И опять он маялся, опять не спал. Выходил на улицу, возвращался, стоял на коленях у икон. А утром заявил:

– Нет, жизнь моя или с ней, или никак.

И, в самом деле, случилось событие из ряда вон выходящее: паломник-полковник с нами обратно не полетел. Дальнейшую судьбу его я не знаю. А интересно бы в старых, добрых традициях православной прозы закончить рассказ о полковнике тем, что вот приехал я недавно в дальний монастырь и встречаю седовласого старца и узнаю в нём героя моего рассказа.

– Помните ли Вы, отец игумен, матушку Ирину?

– Я Бога помню! – отвечает он. – Ты смотри, на службу не опаздывай. Тут у нас не армия, тут дисциплина.

Игорь Нехамес, капитан запаса

Игорь Маврович Нехамес – прозаик, капитан в отставке. Действительный член Академии российской литературы, Академии гуманитарных наук России, Академии литературной документалистики, член Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М.В. Ломоносова и В.В. Маяковского, М.Ю. Лермонтова и Г.Р. Державина. Лауреат литературных премий: им. А.А. Фадеева, им. К.М. Симонова, «Московский Парнас», «Золотая осень» (с вручением ордена С.А. Есенина), Всероссийской премии «Левша» им. Н.С. Лескова (дважды), «За лучшую детскую книгу» 2011–2012 гг. (с вручением медали имени С.Я. Маршака), «Золотое перо Московии» Московской областной организации Союза писателей России, «Серебряный крест», Всероссийской премии имени П.Л. Проскурина, лауреат Золотого диплома имени Ф.И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России.

И собаки защищали Москву

Рассказ

Бывают встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Пять лет тому назад, осенью 2011 года, я находился на лечении в Московском областном госпитале для ветеранов войн, что рядом с деревней Жилино Солнечногорского района. По вечерам в рекреации собирались пациенты – участники и ветераны Великой Отечественной войны, люди средних лет, исполнявшие интернациональный долг в различных точках земного шара.

Всеобщим уважением пользовался Пётр Викторович из Серебрянопрудского района Подмосковья, 1919 года рождения.

После ужина и вечерних процедур ему всегда предоставлялось почётное право включать телевизор, выбирать желаемый канал для просмотра.

Своё первенство он определил одной фразой: «Мне уже десятое десятилетие идёт. Так что вы все – дети по сравнению со мной. И слушайте меня».

Часть этих «детей» сами были людьми далеко преклонного возраста – за восемьдесят и под девяносто. Но старше его на нашем этаже никого не было. Как не уступить самому уважаемому?!

Несмотря на трудную жизнь, он не сгорбился: оставался высоким, стройным, как будто бы судьба баловала Петра Викторовича.

Но на самом деле у него в жизни было столько драматических событий, которые достойны восхищения.

В середине сентября 1941 года из-под города Вязники, что ныне во Владимирской области, он вместе со своей воинской частью, составленной из выпускников стрелковых курсов, пешком за восемь дней добрался до границ Подмосковья, потому что немцы развивали наступление на столицу нашей Родины.

Батальон, где стрелком служил герой этого повествования, был пусть и без боевого опыта, но отобранной боевой единицей Красной Армии. Состав батальона согласно штатному расписанию, новое обмундирование, современные по тому времени винтовки. Были и артиллерийские пушки «сорокапятки», которые тащили трудяги «ЗИСы». Издалека была слышна канонада, постоянно летали фашистские самолёты. Но командование батальона строго-настрого запретило обнаруживать себя. Большинство батальона скрывалось в тянувшемся вдоль дороги перелеске, а отдельные стрелковые окопы были очень хорошо замаскированы и ничем не выдавали себя. Даже на случай дождей имелось закамуфлированное брезентовое укрытие, которое натягивали над окопами.

Солдаты чувствовали, что боестолкновение с фашистами будет страшным, но пока война обходила их стороной. Пётр Викторович, у которого было прозвище «Владимирская жердь» из-за его высокого роста и худобы, в редкие минуты свободного времени успевал сбегать в расположенную неподалеку деревню, принести на своей широкой спине в прочном холщовом мешке картошку и самогон, чем радовал весь свой взвод. И каждый его поход заканчивался тем, что обязательно он приходил с одной или двумя собаками.

В основном это были дворняги – беспородные псы, которые отличались бесстрашием и не обращали внимания на завывание фашистских самолётов, пикирующих с целью высматривания добычи, а также на стрельбу.

Командир взвода однажды пошутил: мол, ты что, вместо нашей части хочешь притон для собак устроить?

Петруша, как ласково называли его бойцы, в ответ лишь моргал своими белесыми ресницами.

Политрук заступился за солдата:

– Товарищ командир! Собак-то всего одиннадцать! Смотрите, у нас на одну собаку приходится три-четыре бойца – всё им радость. Да и как-то, когда звери и люди вместе, то оно уютнее и надежнее. И есть о ком заботиться.

Пётр Викторович регулярно занимался с собаками. То заставлял их ползти и напрыгивать на стоявший в поле сгоревший немецкий танк, то учил двух вожakov нападать на фашистов, которых потехи ради изображали бойцы. Все собаки оказались смышлёнными и различали каски наших бойцов от фашистских касок.

Однажды кто-то из солдат нёс из одного окопа в другой бачок с супом и смея ради нацепил на себя немецкую каску, чтобы перед тем, как спуститься в окоп, крикнуть «Хенде хох!»¹. И хотя подобная шутка могла быть опасной и окончиться тем, что его бы застрелили, но молодость брала своё.

Солдат осторожно опустил бачок в окоп, а в другом конце окопа сидели несколько бойцов и слушали политрука. Молодой солдатик крикнул «Хенде хох!». Бойцы схватились за оружие, а политрук молниеносно выхватил пистолет и направил его на солдата. Но ещё раньше отреагировал пёс по кличке Бездомный, который две недели тому назад увязался за Петрушей и по праву считался вожаком стаи. Он молниеносно прыгнул, головой ударил солдата в подбородок, а когда тот упал навзничь, то положил передние лапы на его плечи и зарычал. Все опешили. Петруша дал команду собаке отступить, и она нехотя вернулась к своему хозяину, время от времени сторожко поглядывая на испуганного бойца.

Было смешно, но от пережитого никто не смеялся. Каска слетела с головы шутника и валялась в полуметре от него. Политрук примирительно сказал:

– Вот до чего глупые шутки довести могут!

– А вам, – обращаясь к Петруше сказал политрук, – объявляю благодарность! У вас талант на обучение собак. Вроде бы и дворняга, а уже стойкая ненависть к проклятым фашистам выработана.

Все бойцы уважительно посмотрели на безродного пса.

Петяша хотел было вскочить, выпрямиться во весь рост, приложить руку к пилотке, отдавая честь, чтобы сказать «Служу Советскому Союзу и товарищу Сталину!», как вдруг вдали послышался звук летящего фашистского самолёта. Без всякой команды солдаты залегли в окопчике.

12 октября шум боя приблизился настолько, что весь батальон понял: битва будет безжалостной и чем всё кончится – неизвестно.

Ранним утром по полю поползли четыре танка. Легкие пушчонки «сорока-пятки» произвели несколько выстрелов и поменяли позиции. Два передних танка вроде бы лениво повели стволами, но звуки выстрелов оглушили, и комья земли поднялись вверх. Ротный передал по радиации команду артиллеристам больше не стрелять, и танки бестрепетно продолжили свой страшный путь смерти. Так как в них больше не стреляли, то немецкие танкисты подумали, что их выстрелы оказались точными.

Один из солдат начал обвязывать себя пятью гранатами. Он поймал удивленный взгляд Петруши и хрипло сказал:

– Подползу поближе, брошу гранату. Постараюсь попасть в гусеницу. Если промажу – прыгну на танк. Не забывайте солдата Зубарева, однополчане! У нас у всех одна доля – биться за страну.

Но Петя неожиданно для всех два раза негромко свистнул и к нему подбежала такса. Подняла умную морду и застыла в готовности выполнить любой приказ.

– Снимай связку! – приказал Пётр Зубареву.

¹ *Хенде хох – руки вверх (нем.)*

Тот подчинился его властному голосу, но одну гранату, которую зажал в левой руке, оставил.

Политрук почти беззвучно спросил:

– Петруша! Ты что, хочешь, чтобы наш окоп проклятые фашисты отутюжили? А нас раздавили?

Петр отрицательно покачал головой. Он ловко прикрепил три гранаты на спину таксе, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал прямо в морду и лёгким движением направил вперёд. Такса выползла из окопа и исчезла.

Все зачарованно смотрели: что же будет дальше?

Танки, освещённые солнцем, всё приближались и приближались. И они уже не казались маленькими спичечными коробками, но становились всё огромное и огромное.

Петя свистнул один раз, и к нему подбежала дворняжка Джульетта. Оставшиеся две гранаты он прикрепил к ней. И снова тот же прощальный ритуал. И снова лёгкое похлопывание по спине собаки перед расставанием.

Политрук удивлённо заметил:

– Петяша! Так у тебя на каждую собаку свой свист?

Пётр не успел ответить, как вдруг раздался взрыв, и шедший первым немецкий танк обьяло пламенем.

– Эх, таксуля-таксуля! – плачущим голосом сказал Петруша. Может быть, встретимся с тобой когда-нибудь в раю.

Все находящиеся в окопе пригорюнились и сняли пилотки.

На втором танке открылся люк, из которого вылез удивлённый фашист. Он ловко спрыгнул на землю и быстро-быстро побежал к первому танку. Он хотел понять, в чем дело. Но испугался, что в танке взорвется боезапас, и тогда и он взлетит вместе с ним на воздух. Он быстро развернулся и побежал обратно. Бежал вприсядку, петляя. Боялся, что вдруг по нему откроют стрельбу.

Но политрук несколько раз опустил правую руку вниз, что означало «не стрелять ни в коем случае». Немец, видимо, подумал, что лидер-танк случайно подорвался на mine. Едва он захлопнул люк, и второй танк начал движение, как вдруг раздался второй взрыв – это Джульетта, благодарная за кормежку и внимание к ней, исполнила свой главный долг.

Страдание выразилось в глазах всех солдат. А у Петра показались слезы. Да он и не пытался их скрыть. Всеобщая любимица, ластящаяся ко всем, своей жизнью сохранила жизни солдат.

В идущем четвертым танке открылся люк и из него наполовину вылез немец, который стал махать руками и громко кричать:

– Ахтунг, минен! Ахтунг, минен²!

Первым повернул назад третий танк и на большой скорости стал удаляться с места столкновения.

Фашист, прежде чем спуститься в кабину, на несколько секунд замешкался и тут же поплатился за это. Зубарев прицелился и выстрелил. Фашист мешком упал внутрь танка.

Видимо, это был танкист-водитель, потому что танк начал крутиться на месте, а потом вообще остановился. Политрук жестами показал, чтобы трое солдат с трёх сторон поползли к танку.

К танку бойцы приближались осторожно, внимательно оглядывались вокруг, опасаясь попасть на минное поле. Из нижнего люка танка вылезли двое фашистов. Три синхронных выстрела слились в один. Немецкие танкисты остались лежать возле гусениц.

² Ахтунг, минен – внимание, мины (нем.)

С них ловко сняли автоматы, забрали планшеты, отрезав ремешки, а потом бросили в люк гранату. Через несколько секунд раздался взрыв.

Обратно в окоп вернулись потные, измазанные в земле, но довольные. Политрук похвалил, но в его глазах читался вопрос.

Младший сержант Анохин с грустью ответил:

– Товарищ старший политрук! Видели лапу таксы – и больше ничего.

Все пригорюнились.

Политрук сел писать донесение командиру батальона.

Петр негромко свистнул, и к нему сторожко подошли шесть собак. Каждую он приласкал, затем вскрыл банку тушенки и аккуратно стал раскладывать на порции. Собаки внимательно следили за его действиями, но никто из них к еде без команды не приближался. Зубарев благодарно сказал:

– Пётр Викторович! Вы мне жизнь спасли! Я предлагаю, после того, как собак накормите, мою банку тушенки вместе съесть.

Петр в ответ согласно кивнул.

После трапезы собаки благодарно облизали Петру руки и отползли к дальней стенке окопа. Сбились в кучу и легли – так они согревались.

Политрук кончил писать и приказал Зубареву ползти к батальонному блиндажу. И жестко указал:

– И не вздумай привставать или бежать во весь рост. Если засечёт немецкий самолёт-разведчик, то нас тут всех бомбами перепашут. Лучше дольше ползи, но приказ выполни.

Через час Зубарев вернулся обратно. Командир батальона принял донесение, поудивлялся и велел представить отличившихся бойцов к наградам.

Политрук был в недоумении: кого представлять? К какой награде? Ведь немецкие танки подбили собаки.

Стало резко темнеть. Политрук предупредил по цепочке по всем шести окопам, чтобы никто не вздумал курить. За неподчинение приказу – расстрел на месте. Некоторые были недовольны, но приказу подчинились беспрекословно. Все понимали, что находятся на самых что ни на есть передовых позициях и если фашисты почуют запах табака, а у них тоже есть солдаты-нюхачи, а также овчарки, то начнётся бой, и выйдешь ли ты живым из него – большой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.